

HISTORY OF THE EAST

National History

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Отечественная история

Научная статья
УДК 930

Исторические науки

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-743-757>

Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX в.

Амир Рамазанович Наврузов

*Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
anavruzov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8874-3543>*

Аннотация. Джадидизм сегодня — одна из наиболее дискуссионных в академическом отношении тем, которая, с одной стороны, активно и много изучается, но, с другой стороны, рождает множество противоречащих друг другу интерпретаций. Джадиды выступали за адаптацию ислама к требованиям современности, сохранение исламской духовности в условиях модернизации, внедрение современной науки в традиционное образование, достижение гендерного и национального равноправия, социального равенства. Эти идеи актуальны и сегодня. Они также остаются притягательными и для представителей других конфессий, помимо ислама. Вот почему тема джадидизма привлекает ученых, становится активно обсуждаемой темой различных форумов как способ установления контактов религиозных элит различных регионов, решения проблем между верующими и атеистами, а также как способ преодоления межконфессиональных конфликтов. Это в полной мере относится и к современному Дагестану. Недостаточная изученность джадидизма Дагестана первой трети XX в. ведет к неадекватной оценке процессов, происходящих в религиозной и общественно-политической жизни Дагестана сегодня и, как следствие, к политизации ислама. Она приобретает особую важность на фоне подъема волны салафизма, вызванного процессами реисламизации в Дагестане и России.

Ключевые слова: Дагестан, мусульманское реформаторство, джадидизм, реформа исламского образования, иджитхад, таклид, фикх, суфизм

Для цитирования: Наврузов А. Р. Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX в. *Ориенталистика.* 2024;7(4-5):743–757. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-743-757>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Наврузов А. Р., 2024
© Ориенталистика, 2024

Dagestani Muslim Reformism of the First Third of the 20th Century

Amir R. Navruzov

*Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia,
anavruzov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8874-3543>*

Abstract. Jadidism today is one of the research topics, which can be classified as the most controversial. On the one hand, it is actively and widely studied, but, on the other hand, it gives rise to many interpretations and varies from place to place. The Jadids advocated the adaptation of Islamic creed and values to the demands of modernity. They endeavoured to preserve Islamic spirituality within the framework of the modern development of society. They also introduced modern science into traditional education and were aware of gender and national and social equality. These ideas are still relevant today. They also remain attractive to representatives of faiths other than Islam. This is why the phenomenon of Jadidism attracts scientists and therefore becomes an actively discussed topic in various forums as a way to establish contacts between religious elites of various regions. They see Jadidism as a tool to solve problems between believers and atheists, and even as an instrument to overcome interfaith conflicts. The above fully applies to modern Dagestan. The insufficient study of Dagestan's Jadidism in the first third of the 20th century leads to an inadequate assessment of the processes, which take place in the religious and socio-political life of Dagestan today and, as a result, the "politicization" of Islam. It is of particular importance to reassess the phenomenon of Jadidism, especially taking into account the rising wave of Salafism caused by the processes of re-Islamization in Dagestan and Russia.

Keywords: Dagestan, Muslim reformism, Jadidism, reform of Islamic education, Ijtihad, taqlid, Fiqh, Sufism

For citation: Navruzov A. R. Dagestani Muslim Reformism of the First Third of the 20th Century. *Orientalistica*. 2024;7(4-5):743–757. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-743-757> (in Russian).

Введение

Дагестан первой трети XX в. отмечен всплеском культурно-просветительской деятельности мусульман. Возникают «Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области», «Благотворительное общество в Нижнем Казанище», «Общество ученых», «Шариатское общество». Еще в 1903 г. появилась «Исламская типография» Мухаммадмирзы Мавраева. На арабском языке стали издаваться газета «Джаридат Дагистан» (1913–1918) [Наврузов, 2012]

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

и журнал «Байан ал-хака'ик» (1925–1928) [Наврузов, 2011]. Появляется и национальная пресса: «Аваристан» на аварском языке, «Мусават» («Равенство») на кумыкском и «Чанна цуку» («Утренняя звезда») на лакском, «Заман» («Время») на кумыкском и аварском и др. За всей этой деятельностью стояла группа единомышленников — Али Каяев, Абусуфьян Акаев, Бадави Саидов, Мухаммадмирза Мавраев, Сайфулла Башларов, Мухаммадкади Дибиров и др. Всех их можно отнести к течению мусульманских реформаторов-просветителей.

Египетская и татарская модели образования и их сторонники

Реформаторские идеи проникали на Северный Кавказ как из арабского Востока, так и из внутренних районов России. В вопросах образования реформаторов Дагестана можно условно разделить на сторонников египетской и татарской моделей, функционировавших независимо друг от друга. Первая была представлена творчеством Джамал ад-Дина ал-Афгани (1839–1897), Мухаммада Абдо (1849–1905) и Рашида Рида (1865–1812) [Левин, 2005, с. 55, 127]. В число татарских реформаторов, популярных в Дагестане, входили Абд ан-Насир ал-Курсави (1776–1812) и Шихаб ад-Динал-Марджани (1818–1889) [Шихалиев, Шехмагомедов, с. 34].

Сторонниками египетской модели образования были 'Али ал-Гумуки (Каяев) и его ученики Мухаммад Абуррашид ал-Харакани (1900–1927), Масуд ал-Мухухи (1893–1941), Мухаммад 'Умари ал-Ухли (ум. в начале 1940 г.) и др. «Они не имели никаких контактов с реформаторами из внутренних районов Российской империи. Идеи египетских реформаторов в области образования лежали глубоко в исламской плоскости. Они апеллировали к исламским источникам и аргументировали все свои взгляды именно с точки зрения образов, символов и практик мусульманской традиции» [Шихалиев, 2017, с. 136, 141].

Сторонники татарской модели образования основными условиями развития общества считали необходимость широкого развития науки и просвещения по европейской (в данном случае российской) модели. Эти подходы в подавляющем большинстве были заимствованы дагестанскими интеллектуалами в среде татар Крыма и Волго-Уральского региона. В Дагестане эти взгляды разделяли Джамалуддин ал-Гарабудаги ад-Дагистани (1858–1947), Мухаммад-кади Дибиров (1875–1929), Сайфулла-кади Башларов (1852–1919), Назир ад-Дургели (1891–1935), Абусуфьян ал-Газанищи (Акаев) (1872–1931) и др. [Шихалиев, 2017, с. 136, 141].

Отдельно о каждом из этих реформаторов и даже о созданных ими сочинениях и издаваемой периодике имеется литература. Однако в целом вклад дагестанских джадидов в развитие исламского просветительства изучен не в полной мере. Настоящая статья ставит целью разобрать эту серьезную проблему. Она должна найти ответы на следующие вопросы. Что следует понимать под исламским просветительством реформаторов-джадидов? Кто стоял у его истоков в Дагестане? Как в учении дагестанских реформаторов соотносились исламское и национальное начала? Эволюционировали ли их взгляды в первой трети XX в., на которую падает деятельность большинства реформа-

торов в регионе? Насколько идеи мусульманского реформаторства живучи и востребованы в регионе сегодня?

Особенности мусульманского реформаторства в Дагестане

Прежде всего следует отметить сосуществование в дагестанском реформаторстве одновременно элементов мусульманского реформаторства [Кемпер, Шихалиев, 2012] и джадидизма¹. Дискуссии в среде дагестанских реформаторов шли исключительно в рамках мусульманской богословской традиции, со свойственной исламу дискурсу системой определений, символов, образов и понятий. Они апеллировали к чистоте первых трех веков ислама, когда мусульманское общество было на пике своего развития. Призывая заимствовать «западные науки», дагестанские реформаторы не были сторонниками секуляризации общества [Шихалиев, 2017], не призывали к адаптации и восприятию европейской культуры. В этой части мы наблюдаем элементы мусульманского реформаторства. Но в вопросах государственного устройства и управления Дагестана, становления и развития национальной истории, языков, культурных традиций и литератур — здесь мы наблюдаем в идеях дагестанских реформаторов элементы джадидизма. Некоторые элементы исламского дискурса XVIII–XIX вв. были восприняты новым джадидским дискурсом [Кемпер, 2008, с. 28; Бабаджанов, 2007, с. 12], что мы наглядно видим в концепции дагестанских реформаторов, которые, как и джадиды, в своей деятельности в целом были ориентированы в будущее.

Мусульманское реформаторство Дагестана в первой трети XX в. имело просветительский характер. Идеология реформы (*ислах*) была нацелена на прорыв в современность и адаптацию мусульман в правовом пространстве российского, а затем и советского государства. Ее социальное значение объективно состояло в том, что они готовили дагестанского мусульманина именно как мусульманина к жизни в индустриальную эпоху. Дагестанские реформаторы, исходя из своего понимания национальных интересов, разработали концепцию нового восприятия и развития ислама и поэтапно внедряли ее в жизнь. Гуманистическая составляющая и направленность были сутью этой концепции и деятельности дагестанских реформаторов.

¹ Мусульманское реформаторство есть форма изменения и переосмысления некоторых вопросов, касающихся сферы мусульманской догматики и права, и оно не может быть отождествлено с джадидизмом, хотя последний развивался в том числе и на его основе. Рассматривая джадидизм как духовную открытость европейской системе просвещения, секулярного движения мусульманской интеллигенции, что способствовало созданию национальной прессы, литературы, драматургии и т. д., М. Кемпер определяет его как более широкий дискурс, выраженный больше в европейских формах и носящий секулярный характер. Исламский же дискурс, по его мнению, определяется исключительно религиозной направленностью [Кемпер, 2000; Юзеев, 2012].

Джадидизм включает в себя весь комплекс вопросов, касающихся реформы системы мусульманского права и догматики; реформы системы мусульманского образования; «нациестроительства» или национальной идентичности; реформы в культурной и социальной жизни мусульманского населения; приобщения к «европейской системе ценностей»; либерализма; политической деятельности мусульман [Исхаков, 1997; Хабудинов, 2001; Kanlidere, 1998; Lazzarini, 1975].

Для дагестанских реформаторов вопрос реформы образования в исламской школе, а также воспитания и просвещения молодежи на исламских религиозных и морально-этических принципах был одним из первых и самых важных пунктов по обновлению дагестанского общества (*уммы*) [ал-Гумуки, 1913, с. 4]. Суть ее заключалась во введении звукового метода обучения в *мактабах* и *мадрасах*, реализации принципа последовательности и постепенности, начиная в обучении с самого простого, двигаясь к более сложному, а также в сокращении сроков обучения до 2–3 лет вместо 20–30 лет. Обучение в начальной школе было на родных языках, после чего в старших классах ученики переходили на арабский язык. Арабский язык выступал как средство, инструмент для изучения других наук. Изменения в новометодных школах касались и самого процесса обучения. В частности, был установлен учебный год, занятия проводились с перерывами между уроками, одновременно изучались несколько дисциплин, а также проводились проверочные экзамены. Джадидская система образования в Дагестане развивалась в тесном взаимодействии с традиционной образовательной системой, а не являлась ее антиподом. Это сосуществование двух систем привело к смешанному методу преподавания арабского языка и исламских дисциплин в новых исламских учебных заведениях, открывшихся в постсоветский период [Кемпер, Шехалиев, 2018].

Дагестанские реформаторы на первое место ставили общественный прогресс и вопросы развития научного знания. Они считали, что многие дагестанские ученые не занимаются научными исследованиями, и полагали ошибочным и неправомерным деление наук на безбожные и мусульманские, причисляя к первым рационалистические науки — арифметику, геометрию, географию, медицину и др.; науками же мусульман они считали Коран, *фикх* четырех *машабов*, *тафсир* и *хадис* и их составляющие. Они призывали к изучению в *мактабах* и *мадрасах* астрономии, медицины, географии, истории, *хадисов*, литературы и издавали учебники и учебные пособия по этим дисциплинам [Исаев, 1989; Исаев, 2003; Саидов, 1934].

Дагестанские реформаторы придавали важное значение овладению утилитарными (прикладными) знаниями, их популяризации и профилактике [Бадави-кади, 1926, с. 5], а также развитию сельского хозяйства и повышению его продуктивности: земледелия, садоводства, полеводства, животноводства [Исаев, 2003, Наврузов, 2012].

Вырубка лесов, ведущая к высыханию родников, облысению гор, оползням и, как следствие, к засушливости климата Дагестана — все эти вопросы глубоко волновали дагестанских реформаторов-просветителей и в начале XX в. Традиционному фатализму реформаторы противопоставляли идею инициативной личности, активного человека-работника. Эти вопросы очень важны, они сохраняют свою актуальность и на современном этапе.

Реформаторы считали ложными предубеждения некоторых ученых, что занятие рационалистическими науками и получение знаний в школах христиан якобы уведут мусульман с истинного пути и являются проявлением неверия по отношению к Всевышнему. Напротив, они считали, что изучение этих наук нисколько не противоречит шариату. Они справедливо указывали, что

в средние века именно страны Запада заимствовали ряд знаний из области рационалистических наук у арабов. А мусульманам сегодня (в том числе и дагестанцам) без ложной скромности следует «взять их у европейцев и развивать для своей пользы и развития» [ал-Гумуки, 1913, с. 4].

Идея «общетюркской мусульманской нации» не получила в Дагестане существенного развития. В условиях многонационального Дагестана реформаторы активно выступали с идеями развития национальных языков, для чего были разработаны учебники на национальных языках с использованием арабской графики. В рамках общеобразовательного процесса вводились естественные и общественные науки, которые в традиционной школе изучались в индивидуальном порядке [Шихалиев, 2017, с. 147–148].

Издание учебной литературы и преподавание на национальных языках — аварском, кумыкском, лакском, даргинском, чеченском и других — способствовало просвещению народов Дагестана, повышению уровня образованности всего его населения и одновременно дало толчок развитию национальных языков, литератур и культурных традиций. Деятельность реформаторов Дагестана в области национальных языков и культур в изучаемый период органично вписалась в русло политики «коренизации», ставшей главной линией национальной политики советского государства в 20-х гг. XX в.

Критика дагестанскими реформаторами во главе с Али Каяевым традиционной хронистики (*таварих*) привела к формированию национальной мусульманской историографии [ал-Гумуки, 1910; Кауаев, 2012; Саидов, 1957, с. 50–51; Оразаев, 2001; Назир из Дургели, 2012; Бобровников, Каяев, 2020, с. 134]. Научные изыскания Али Каяева и его учеников, особенно М.-С. Саидова, способствовали становлению в 20–30-х гг. XX в. дагестанской школы академического востоковедения [Бобровников, Каяев, 2020, с. 138].

Новометодные школы с их многоступенчатой системой образования совпали в дальнейшем с политикой советского государства по всеобщему образованию и легли в основу функционирования раннесоветской школы. Дагестанские реформаторы, ранее преподававшие в новометодных школах, после их закрытия советским государством были в значительной степени включены в новую советскую образовательную систему.

Дагестанские реформаторы были прагматиками и реалистами. Ради воплощения своих идей в жизнь они шли на компромиссы с имперской, а затем и с советской властью: добивались разрешения властей на выпуск своих периодических изданий [Наврузов, 2012; Наврузов, 2011], которые стали площадками для распространения идей мусульманского реформаторства в регионе.

Дагестанские реформаторы хорошо знали политическую историю ислама и мыслили ее категориями, понятиями и образами. Они считали пророка Мухаммада духовным лидером, а халифат — неудачным опытом формы организации политической власти, от которого надлежит отказаться.

Али Каяев, Абусуфьян Акаев, Мухамадмирза Мавраев, Мухаммад-кади Дибиров и некоторые другие реформаторы были противниками провозглашения имамата в Дагестане. Они поддерживали принцип разделения светской и духовной власти в исламе: выступали за «мирное сосуществование» в одном государстве власти светской и духовной на демократической основе, с соблю-

дением норм шариата. В качестве формы государственного устройства в Дагестане они предпочитали федеративную республику в составе Российского государства [Мукаррат, 1917].

Дагестанские реформаторы первой трети XX в. выступали против учения ваххабитов [Ахвал ал-Хиджаз..., 1925]. Ваххабиты и дагестанские реформаторы в своей деятельности по очищению ислама от всего того, что было привнесено в ислам религиозной практикой, апеллировали к мусульманской общине первых трех веков ислама. Ваххабиты считают ее идеалом общественного устройства и хотят ее возродить. Они приверженцы буквалистского понимания ислама и выступают за создание исламского государства, прибегая для его возрождения к методам политической борьбы и даже вооруженного террора. Дагестанские реформаторы выступали за создание государства в духе ислама.

Ваххабиты резко отрицательно относились к суфизму. Дагестанские реформаторы первой трети XX в. относились к суфизму в целом положительно.

В корне отличались дагестанские реформаторы от ваххабитов и в отношении к научно-техническому прогрессу на Западе. Ваххабиты видели в достижениях Запада прямую угрозу исламскому миру. Реформаторы Дагестана ставили вопросы развития нации, науки, языков и культуры в качестве приоритетных целей.

Деятельность дагестанских реформаторов развивалась в прямо противоположном, чем у ваххабитов направлении, и конечная цель ее была иной, равно как и отличные от ваххабитских стратегия и тактика ее достижения: она определялась настоящим и была направлена на будущее, тогда как ваххабиты всегда ориентировались на прошлое.

Дагестанские реформаторы пытались найти решение в том числе и по «женскому вопросу». Материалы арабоязычной газеты «Джаридат Дагистан» позволяют проследить как эволюцию взглядов самих реформаторов в «женском вопросе», так и картину эмансипации дагестанской женщины в досоветский и начальный советский период — обретение ею равных прав в семье и обществе, реализацию права на образование, получение профессии, избирательных прав и т. д. Некоторые из этих пунктов удалось реализовать именно благодаря деятельности дагестанских мусульманских реформаторов первой трети XX в. Однако многие аспекты этих серьезных проблем, таких как, например, вопрос женского мусульманского образования и воспитания, профессиональной подготовки, участия в общественной жизни, продолжают оставаться чрезвычайно актуальными и на современном этапе [Наврузов, 2022, с. 371–387].

Вопрос борьбы с устаревшими адатами находился под пристальным вниманием дагестанских реформаторов. Они понимали живучесть и всю пагубность изживших себя адатов, степень их воздействия на мусульман, особенно на молодое поколение. Поэтому проведение постоянной просветительской работы в этом направлении с целью ограничить, а затем и искоренить их влияние они считали своей первоочередной задачей [Наврузов, 2023, с. 50–55].

Дискуссии об *иджтихаде* и *таклиде* в Дагестане были тесно связаны с практическим применением норм исламского права. Инструмент *иджтихада* сохранял свою актуальность в течение всей истории исламского правотвор-

чества, как это имело место и в других мусульманских регионах России, например, в Татарстане. Все обсуждения *таклида* и *иджтихада* в Дагестане основывались, в первую очередь, не на противопоставлении двух методов друг другу, а скорее были сосредоточены на допустимости различных уровней *иджтихада* в рамках шафиитского *мазхаба* [Shikhaliev, 2020; Gould, Shikhaliev, 2017, p. 168]. Только некоторые из авторов-реформаторов призывали не следовать мнению основоположников мусульманских правовых школ, а, опираясь на Коран и Сунну, выводить самостоятельные суждения по вопросам мусульманского права вне рамок правовых школ (*абсолютный иджтихад*, *ал-иджтихад ал-мутлак*). К ним относились ученики А. Каяева Мас'уд ал-Мухухи, Абдурахим ал-Аймаки (1892–1992), Фахруддин ал-Аргвани (1866–1932) [Шихалиев, Шехмагомедов, с. 45–46; Кемпер, Шихалиев, 2012, с. 56; Абдулмажидов, Шехмагомедов, 2019, с. 26–27]. Для дагестанских реформаторов *иджтихад* служил средством адаптации шариата в бурно меняющемся мире в интересах мусульманской общины.

Многие вопросы по правовой тематике обсуждались в рукописях, полемических статьях и на страницах мусульманской периодической печати позднего имперского и раннего советского периодов, вплоть до конца 1920-х гг. К часто обсуждаемым правовым вопросам относились следующие: о правильном использовании вакфов, об уплате заката с бумажных денег, о законности назначения размера *махра* и практике его завышения, о запрете изображения человека в исламе, о разводе (*талак*), о повторении полуденной молитвы после пятничной, об особенностях чтения *хутбы* в Дагестане, о посте (*саум*) в исламском культе и др. [Наврузов, 2023, с. 198–207]. Среди прочих были и те правовые вопросы, на которые давал ответы Гасан Алкадари² в своем сочинении «Джираб ал-Мамнун» [ал-Алкадари, 1912]. Здесь просматривается преемственность — от взглядов Гасана Алкадари, продолженных и развитых в ответах на правовые вопросы, которые давали дагестанские реформаторы уже в позднеимперский и раннесоветский периоды на страницах реформаторской периодической печати, в переписке дагестанских улемов, рукописях и трактатах, с той лишь разницей, что новое их поколение отдавало предпочтение *иджтихаду*.

В реформаторском осмыслении многих явлений новой эпохи заметное влияние оказала просветительская деятельность, а также труды Гасана Алкадари, в частности его сочинение «Джираб ал-Мамнун». Мы видим здесь Алкадари как *мукаллида*, осторожно использующего элементы *иджтихада*. Он был предшественником дагестанских реформаторов, которые, по сути, стали его идейными наследниками и преемниками.

Для дагестанских реформаторов была характерна модернизаторская направленность программных установок с целью «приспособления» религии во имя мирной адаптации мусульман Дагестана в российском и советском правовом пространстве. Для них это была попытка доказать и утвердить жизнеспособность и прогрессивность ислама в индустриальную эпоху.

² Гасан Алкадари, Гасан-эфенди Алкадарский, (1834–1910) — видный дагестанский ученый, историк, философ, поэт, правовед, деятель просвещения.

Как ни удивительно, но многие вопросы правового комплекса, такие как *иджитхад* и *таклид*, следование или не следование правовым школам (*мазхабиййа ва ла мазхабиййа*), повторение полуденной пятничной молитвы, на каком языке читать *хутбу* (пятничную проповедь), соблюдение поста (*савм*) в месяц *рамадан* и др., поднимаемые и обсуждаемые дагестанскими реформаторами в первой трети XX в., в силу своей нерешенности вновь были подняты и стали предметом дискуссий среди мусульман Дагестана в XXI веке.

Дагестанские реформаторы, в целом положительно относясь к суфизму, считали, что суфии первой трети XX в. несведущи ни в Коране, ни в Сунне, ни в истории, ни в богословских науках. Они резко критиковали конкретные его проявления в первой трети XX в., исходящие от отдельных лжешейхов или шейхов-самозванцев, которые в силу своей невежественности и стремления к личному обогащению привносили в него порицаемые нововведения (*бид'а*), противоречащие сути шариата и тем самым дискредитирующие суфизм как течение в исламе. Они выделяли и критиковали такие элементы суфийской ритуальной практики, как *тавассул*, *истигаса* и *рабита*, так как при совершении этих действий суфий воссоздает в своем сердце образ шейха, что приравнивалось ими к идолопоклонству и многобожию. Не отвергая *зикр* как ритуальное действие в целом, дагестанские реформаторы критиковали и *зикр*, если он исполнялся в качестве элемента суфийской ритуальной практики. Другая же часть реформаторов от резко отрицательной критики нововведений невежественных лжешейхов доходила до полного неприятия его как течения в исламе, отрицая легитимность суфизма с точки зрения Корана и Сунны. В основном это касалось учеников Али Каяева Мухаммада Абдурашида ал-Харакани, Мухаммада 'Умари ал-Ухли, Мас'уда ал-Мухухи, Абдурахима ал-Аймаки (1892–1992) и М.-С. Саидова (1902–1985), которые выражали сомнение в легитимности суфизма досоветской эпохи. Здесь необходимо отметить, что сам Али Каяев не выступал ни против суфизма, ни против его отдельных практик [Наврузов, 2023, с. 5–16].

Дагестанские реформаторы были против необходимости *хиджры* (эмиграции) в регионы Османской империи для проживания там рядом со своим наставником (тариката), чтобы получить звание *муршида* [ал-Гумуки, 1914, с. 3–4].

Относительно *шейхства* и *муридизма* дагестанские реформаторы считали, что в шариате ни в Коране, ни в хадисах нет никакого текста, где говорилось бы об их необходимости, как и нет текста, рекомендующего их. Однако шариат и не отвергает их, если *шейхство* и *муридизм* соответствуют шариату [Абусуфьян, 1925, с. 11–12].

Маулид — праздник, посвященный Пророку Мухаммаду. По мнению дагестанских реформаторов — это праздник, заслуживающий почитания и уважения, и не запрещается празднование его, но в рамках шариата и исламской этики [ал-Гумуки, 1917, с. 4; Наврузов, 2012, с. 165].

Вопрос о чудотворстве святых (*карамат*) являлся одним из предметов спора между суфиями и реформаторами первой трети XX в. Суфийская традиция настаивала на признании *карамата*, в то время как дагестанские реформаторы отрицали способность шейхов совершать «чудотворства», «необычные

деяния». Их отличал трезвый рационализм, рационалистический подход к восприятию явления в целом. Они выступали против культа святых в исламе, считая его возвратом к языческим традициям [Наврузов, 2022, с. 84–91].

В вопросе посещения могил их взгляды совпадали со взглядами традиционалистов (суфиев), которые считали, что это разрешено по шариату и рекомендовано по Сунне. Однако вместе с тем дагестанские реформаторы были против организации празднеств на могилах, а также проведения суфийских практик и представлений в этих местах (поклонение, *зикр*, жертвоприношение и пр.), исключая тем самым практику суфийской *зийара* из числа утвердившейся в народе традиции посещения могил.

Заключение

Дагестанские реформаторы первой трети XX в. привнесли в исламскую историю Дагестана идею умеренного ислама, родоначальником которой по праву был ученый и просветитель Гасан-эфенди Алкадари.

Содержание умеренного ислама проистекает из мировоззренческой раздвоенности джадидизма, при последовательном проведении которого он позволяет его носителю отойти от идей строгого теоцентризма и прийти к переоценке ценностей в пользу ценностей общечеловеческих, гуманистически ориентированных. Эта черта джадидизма особенно хорошо заметна в его развитых формах, что можно особенно наглядно проиллюстрировать на примере современного Татарстана, где лидеры национального движения в отношении понятий — ислама и нации — приоритетным направлением развития определяют нацию. Они считают, что религия должна служить нации, а не наоборот. Конечно, такой степени эволюции дагестанские реформаторы первой трети XX в. не достигли. Но в их деятельности достаточно сильно обозначенными были проявления мирной исламской адаптации к современности.

Список литературы / References

1. Абдулмажидов Р. С., Шехмагомедов М. Ш. Апологетика и критика суфизма в Дагестане в начале XX века. *Вестник Московского университета. Сер. Востоковедение*. 2019. № 1. С. 26–27 [Abdulmazzhidov R. S., Magomedov M. H. Politics and critical business in the State at the beginning of the XX century. *Bulletin of the Moscow University. Ser. Enlightenment*. 2019. No. 1, pp. 26–27 (in Russian)].
2. Абусуфйан. ат-Ташаййух фи аш-шари'ат. (Шейхство в шариате). *Байан ал-хака'ик (Разъяснение истин)*. 1925. № 5. С. 11–12 [Abusufyan. at-Tashaiyuh fi ash-shari'at (Sheikdom in Sharia). *Bayan al-haka'ik (Clarification of truths)*. 1925. No. 5, pp. 11–12 (in Arabic)].
3. ал-Алкадари, Гасан-эфенди. *Джираб ал-Мамнун*. Темир-Хан-Шура: ал-Матба'а ал-исламийа ли-Мухаммадмирза Маврайуф, 1912. [al-Alkadari, Hasan Effendi. *Jirab al-Mamnun*. Temir-Khan-Shura: al-Matba'a al-islamiyya li Muhammadmirza Mavrayuf, 1912 (in Arabic)].
4. ал-Гумуки, 'Али б. 'Абд ал-Хамид ад-Дагистани. *ал-Хикайат ал-мадийа би-лусан Гази-Гумук (Рассказы о прошлом на казикумухском (лакском)*

- языке) Темир-Хан-Шура: ал-Матба'а ал-исламия ли-Мухаммад-Мирза Мавраев, 1910 [al-Gumuki, 'Ali b. 'Abd al-Hamid al-Dagistani. *al-Hikayat al-Madiya bi-lisan Gazi-Gumuk (Stories about the past in Kazikumukhsky (Lak) language)*. Temir Khan-Shura: Al-Matba'a Al-Islamiya li-Muhammad-Mirza Mavrayev, 1910 (in Arabic)].
5. ал-Гумуки, 'Али б. Абдулхамид. Лимаза йухаджиру ад-дагистанийуна ила ал-мамалик ал-'Усманийя. (Почему дагестанцы эмигрируют в страны Османской империи) *Джаридат Дагистан (Газета Дагестана)*. 1914. № 42. С. 3–4 [al-Gumuki, 'Ali b. 'Abdulhamid. Limaza yuhajiru al-daghistaniouna ila al-mamalik al-'uthmaniyya (Why do Dagestanis emigrate to the countries of the Ottoman Empire). *Jaridat Dagestan (Dagestan Newspaper)* 1914. No. 42, pp. 3–4 (in Arabic)].
 6. ал-Гумуки, 'Али. Мавалидуна (Наши мавлиды). *Джаридат Дагистан (Газета Дагестана)*. 1917. № 1. С. 4 [al-Gumuki, 'Ali. Mawaliduna (Our Mawlid). *Jaridat Dagestan (Dagestan Newspaper)* 1917. No. 1, p. 4 (in Arabic)].
 7. ал-Гумуки, Ахмад Курди. Ма хувва ат-таракки ва ат-тамаддун? (Что такое прогресс и цивилизация?). *Джаридат Дагистан (Газета Дагестана)*. 1913. № 9. С. 4 [al-Gumuki, Ahmad Kurdi. Ma huwwa at-tarakki and at-tamad-dun (What is progress and civilization?). *Jaridat Dagestan (Dagestan Newspaper)* 1913. No. 9, p. 4 (in Arabic)].
 8. Ахвал ал-Хиджаз ва ал-га'илат ал-вахабийя. *Байан ал-хака'ик (Положение дел в Хиджазе и зло ваххабизма)*. 1925. № 1. С. 2–3 [(The situation in Hijaz and the trouble of Wahhabism). *Bayan al-haqa'ik (Clarification of truths)*. 1925. No. 1, pp. 2–3 (in Arabic)].
 9. Бабаджанов Б. М. Журнал "Haqiqat" как зеркало религиозного аспекта в идеологии джадидов. Вводная статья, критический обзор и факсимиле Б. М. Бабаджанов. Токуо: TIAS, Dept. of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo, 2007. [Babajanov B. M. *The journal "Aqiqat" as a mirror of the religious aspect in the ideology of the Jadids*. Introductory article, critical review and facsimile by B. M. Babajanov. Tokyo: TAPES, Dept. of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo, 2007. (in Russian)].
 10. Бадави-кади фи Шура (Темир-Хан-Шура). Карамат ал-инсан ва исти'даду-ху ли-л-'ирфан (Чудеса человека и его готовность к познанию). *Байан ал-хака'ик (Разъяснение истин)*. 1926. № 4. С. 5–6. [Badawi Qadi in Shura [Temir-Khan-Shura]. *Miracles of man and his readiness to learn*). *Bayan al-haqa'ik (Clarification of truths)*. 1926. No. 4, pp. 5–6 (in Arabic)].
 11. Бобровников В. О., Каяев М. И. 'Али ал-Гумуки (Каяев) как историк мусульманских народов Кавказа. *Ислам в современном мире*. 2020. № 3. С. 119–143 [Bobrovnikov V. O., Kayayev M. I. 'Ali al-Gumuki (Kayayev) as a historian of the Muslim peoples of the Caucasus. *Islam in the modern world*. 2020. No. 3, pp. 119–143 (in Russian)].
 12. Исаев А. А. *Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана: дореволюционный период*. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, 1989

- [Isaev A. A. *Catalog of printed books and publications in the languages of the peoples of Dagestan: pre-revolutionary period*. Makhachkala: Institute of History, Language and Literature named after G. Tsadasa, 1989 (in Russian)].
13. Исаев А. А. *Магомедмирза Мавраев — первопечатник и просветитель Дагестана*. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2003 [Isaev A. A. *Magomedmirza Mavraev is the pioneer printer and educator of Dagestan*. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2003 (in Russian)].
 14. Исхаков Д. М. *Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению*. Казань: Иман, 1997 [Iskhakov D. M. *The phenomenon of Tatar Jadidism: an introduction to socio-cultural understanding*. Kazan: Iman, 1997 (in Russian)].
 15. Кемпер М. *Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством*. Казань: Российский исламский университет, 2008 [Kemper M. *Sufis and scholars in Tatarstan and Bashkortostan (1789–1889). Islamic discourse under the Russian rule*. Kazan: Russian Islamic University, 2008 (in Russian)].
 16. Кемпер М., Шихалиев Ш. Ш. Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX в. как разновидность джадидизма. *Абусуфьян Акаев. Эпоха, жизнь, деятельность. Сборник статей, переводов и материалов*. Сост. и науч. ред. Г. М.-Р. Оразаев. Серия «Жизнь замечательных дагестанцев». Махачкала, 2012. С. 52–58 [Kemper M., Shikhaliev Sh. Sh. Dagestan Muslim reformation of the first third of the XX century. as a kind of Jadidism. *Abusufyan Akayev. Epoch, life, activity: Collection of articles, translations and materials*. Comp. and scientific ed. by G. M.-R. Orazayev. Series “The life of remarkable Dagestanis”. Makhachkala, 2012, pp. 52–58 (in Russian)].
 17. Кемпер М., Шихалиев Ш. Ш. Кадимитская и джадидская системы образования в Дагестане: взгляд на преподавание арабского языка и ислама в XX в. *Восток (Oriens)*. 2018. № 6. С. 105–123 [Kemper M., Shikhaliev Sh. Sh. Qadim and Jadid education systems in Dagestan: a look at the teaching of the Arabic language and Islam in the twentieth century. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 6, pp. 105–123 (in Russian)].
 18. Левин З. И. *Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования*. М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2005. [Levin Z. I. *Reform in Islam. To be or not to be? The experience of systemic and socio-cultural research*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Kraft+, 2005. (in Russian)].
 19. Наврузов А. Р. «Байан ал-хақа’ик» — журнал ученых арабистов Дагестана первой трети XX века. *Исламоведение*. 2011. № 3(9). С. 82–93 [Navruzov A. R. “Bayan al-haq’a’ik” — journal of Arab scholars of Dagestan in the first third of the 20th century. *Islamic Studies*. 2011. No. 3(9), pp. 82–93 (in Russian)].
 20. Наврузов А. Р. «Джаридат Дагистан» — арабоязычная газета кавказских джадидов. М.: Изд. дом Марджани, 2012 [Navruzov A. R. “Jaridat Dagestan” — Arabic-language newspaper of the Caucasian Jadids. Moscow: Publishing House Marjani, 2012 (in Russian)].

21. Наврузов А. Р. Мусульманские просветители Дагестана первой трети XX века и «женский вопрос» (по материалам газеты «Джаридат Дагистан» (1913–1918)). *История, археология и этнография Кавказа*. 2022. № 18(2). С. 371–387 [Navruzov A. R. Muslim enlighteners of Dagestan in the first third of the 20th century and the “women’s question” (based on the materials of the newspaper “Jaridat Dagestan” (1913–1918)). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2022. No. 18(2), pp. 371–387 (in Russian)].
22. Наврузов А. Р. Северокавказские реформаторы-просветители первой трети XX века и некоторые вопросы религиозного культа. *Проблемы востоковедения*. 2022. № 4(98). С. 84–91 [Navruzov A. R. North Caucasian reformers-enlighteners of the first third of the 20th century and some questions of religious worship. *Problems of Oriental studies*. 2022. No. 4(98), pp. 84–91 (in Russian)].
23. Наврузов А. Р. Правовые аспекты мусульманского просветительства первой трети XX в. на Северном Кавказе. *Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки*. 2023. Т. 17. № 2. С. 198–207 [Navruzov A. R. Legal aspects of Muslim enlightenment in the first third of the 20th century in the North Caucasus. *Vestnik YarGU. The Humanities series*. 2023. Vol. 17. No. 2, pp. 198–207 (in Russian)].
24. Наврузов А. Р. Реформаторская пресса Северного Кавказа первой трети XX в. (по материалам газеты «Джаридат Дагистан»). *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2023. № 4(63). С. 50–55 [Navruzov A. R. The reformist press of the North Caucasus of the first third of the 20th century (based on the materials of the newspaper “Jaridat Dagestan”). *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2023. No. 4(63), pp. 50–55 (in Russian)].
25. Наврузов А. Р. Тавассул, истигаса и рабита как элементы суфийской ритуальной практики в контексте критики дагестанскими реформаторами-просветителями первой трети XX века. *Исламоведение*. 2023. Т. 14. № 1(55). С. 5–16 [Navruzov A. R. Tawassul, istighasa and rabita as elements of Sufi ritual practice in the context of criticism by Dagestan reformers and enlighteners of the first third of the 20th century. *Islamic Studies*. 2023. Vol. 14. No. 1(55), pp. 5–16 (in Russian)].
26. Назир из Дургели. *Улада умов в библиографиях дагестанских ученых (Нузхат ал-азхан фи тараджим ‘улама’ Дагистан)*. Дагестанские ученые X–XX вв. и их сочинения. Отв. ред. А. Р. Шихсаидов. М.: Изд. дом Марджани, 2012 [Nazir from Durgeli. *The delight of minds in the bibliographies of Dagestani scholars (Nuzhat al-azhan fi tarajim ‘ulama’ Dagestan)*. *Dagestani scholars of the 10–20th centuries and their writings*. Editor-in-Chief A. R. Shikhsaidov. Moscow: Marjani Publishing House, 2012 (in Russian)].
27. Оразаев Г. М.-Р. *История Кавказа и селения Карабудахкент Джамалутдина Хаджи Карабудахкентского (Публикация текста и комментарии с приложениями)*. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2001 [Orazaev G. M.-R. *The history of the Caucasus and the village of Karabudakhkent by Jamalutdin-Hajji of Karabudakhkent (Publication of the text and comments*

- with appendices*). Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2001 (in Russian)].
28. Саидов М. *Учебник для начальной школы. 1-й и 2-й годы обучения*. Махачкала: Даггосиздат, 1934 [Saidov M. *Textbook for elementary school. 1st and 2nd years of study*. Makhach Kala: Daggosizdat, 1934 (in Russian)].
 29. Саидов М.-С. О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане. *Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы*. Т. II. Махачкала, 1957. С. 50–51 [Saidov M.-S. On the spread of Islam by Abumuslim in Dagestan. *Scientific notes of the Institute of History, Language and Literature named after G. Tsadasa*. Vol. II. Makhachkala, 1957, pp. 50–51 (in Russian)].
 30. Хабудинов А. Ю. *Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX веков*. Казань: Идел-пресс, 2001 [Khabudinov A. Yu. *The formation of the nation and the main directions of development of the Tatar society in the late 18th — early 19th centuries*. Kazan: Idel-Press, 2001 (in Russian)].
 31. Шихалиев Ш. Ш. К вопросу о дагестанском реформаторстве в первой четверти XX в. *МавраевЪ*. 2015. № 1(16). С. 27–31 [Shikhaliev Sh. Sh. On the question of Dagestan reformation in the first quarter of the 20th century. *Mavraev*. 2015. No. 1(16), pp. 27–31 (in Russian)].
 32. Шихалиев Ш. Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.). *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2017. № 3. С. 141–146 [Shikhaliev Sh. Sh. Muslim reformism in Dagestan (1900–1930). *State, religion, church in Russia and abroad*. 2017. No. 3, pp. 141–146 (in Russian)].
 33. Шихалиев Ш. Ш., Шехмагомедов М. Г. Фикх в исламском дискурсе дагестанских улемов. *Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования. Хрестоматия*. Ред. В. О. Бобровников, М. Г. Шехмагомедов, Ш. Ш. Шихалиев. Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2017. С. 12–51 [Shikhaliev Sh. Sh., Shekhtagomedov M. G. Fiqh in the Islamic discourse of Dagestan ‘ulama’. *Muslim law and custom in Russian Dagestan: sources and research. A textbook*. Eds: V. O. Bobrovnikov, M. G. Shekhtagomedov, Sh. Sh. Shikhaliev. St. Petersburg: Presidential Library, 2017, pp. 12–51 (in Russian)].
 34. Юзеев А. Н. *Татарская религиозно-реформаторская мысль* (XIX — начало XX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2012 [Yuzeev A. N. *Tatar religious reformist thought (19th – early 20th centuries)*. Kazan: Tatar book publishing house, 2012 (in Russian)].
 35. Gould R., Shikhaliev Sh. Beyond the Taqlīd / Ijtihād Dichotomy: Dagestani Legal Thought under Russian Rule. *Islamic Law and Society*. 2017. Vol. 24(1–2), pp. 142–169.
 36. Kanlidere A. *Reform within Islam: The Tajdid and Jadid Movement Among the Kazan Tatars (1809–1917)*. İstanbul: Eren, 1998.
 37. Kayaev Ali. *Terācim-i ulemā-yi Dagistan (Dagistan Bilginleri Biyograifileri)*. Hazirlayanlar: Dr. Hasan Orazayev. Dr. Tuba Isinsi Durmus. Ankara: Grafiker Yayınları, 2012 [Ali Kayaev. *Tercim-i Ulem-yi Dagistan (Biographies of Dagestan*

- Scholars*). Prepared by: Dr. Hasan Orazhev. Dr. The Tube Heat Has Stopped. Ankara: Graphic Designer Publications, 2012 (in Turkish)].
38. Lazzerini Ed. Gadidism at the Turn of the Twentieth Century: A View from Within. *Cahiers du Monde Russe et soviétique*. 1975. Vol. 16(2), pp. 245–277.
39. Shikhaliev Sh. Taqlīd and Ijtihād over the Centuries: The Debates on Islamic Legal Theory in Dagestan, 1700s–1920s. Published online by Cambridge University Press. In: Paolo Sartori, Danielle Ross (eds). *Shari‘a in the Russian Empire. The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550–1917*. Edinburg: Edinburg University Press, 2020, pp. 239–280.

Информация об авторе

Наврузов Амир Рамазанович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия; anavruzov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8874-3543>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 09.04.2024; одобрена рецензентами 16.05.2024; принята к публикации 16.05.2024; опубликована 20.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Amir R. Navruzov — Ph. D. (Hist.), Leading Research Fellow at the Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia; anavruzov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8874-3543>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 09.04.2024; approved after reviewing 16.05.2024; accepted for publication 16.05.2024; published 20.12.2024.

The author has read and approved the final manuscript.